

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РУССКИЙ СЛЕД

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY: THE RUSSIAN TRACE

Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 99—124.
Siberia Humanitarian. 2025;(2):99—124.

Сохранение исторической памяти: русский след

Научная статья
УДК 94(47).084.3-054.7(092):325.25
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-99-124
EDN KEGYBH

Из Царского Села в Ирландию: воспоминания Елизаветы Николаевны Курис о ее последнем годе в России

Анна Сергеевна Быкова

Независимый исследователь, Грейстоунз, Ирландия, abykovaireland@gmail.com

Аннотация. В статье представлены мемуары Елизаветы Николаевны Курис (1874—1950) «Дни террора в Царском Селе», публикуемые на русском языке впервые, а также исследуется биография Елизаветы Николаевны и членов ее семьи, анализируются обстоятельства написания и обнаружения воспоминаний, содержание и язык текста, прослеживаются параллели с воспоминаниями княгини А. Н. Голицыной. В воспоминаниях Е. Н. Курис подробно описаны испытания, выпавшие на долю ее семьи в период с октября 1918 по октябрь 1919 г.: арест, допросы в ЧК, заключение, эпидемия тифа, выживание после освобождения и отъезд из России.

Ключевые слова: Царское Село, 1918—1919 гг., революция 1917 г., мемуары, красный террор, белая эмиграция

Для цитирования: Быкова А. С. Из Царского Села в Ирландию: воспоминания Елизаветы Николаевны Курис о ее последнем годе в России // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 99—124. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-99-124. EDN KEGYBH.

From Tsarskoe Selo to Ireland: Elizaveta Nikolaevna Kuris's Memories of Her Last Year in Russia

Anna S. Bykova

Independent researcher, Greystones, Ireland, abykovaireland@gmail.com

Abstract. The article presents the memoirs of Elizaveta Nikolaevna Kuris (1874—1950) *Days of Terror in Tsarskoye Selo*, published in Russian for the first time. It examines the biography of Elizaveta Nikolaevna and members of her family, analyzes the circumstances of writing and discovery of the memoirs, the content and language of the text, and traces parallels with the memoirs of Princess A.N. Golitsyna. The memoirs of E.N. Kuris describe in detail the trials that befell her family in the period from October 1918 to October 1919: arrest, interrogations in the Cheka, imprisonment, typhus epidemic, survival after liberation and departure from Russia.

Keywords: Tsarskoe Selo, 1918—1919, 1917 revolution, memoirs, Red Terror, White emigration

For citation: Bykova A.S. From Tsarskoe Selo to Ireland: Elizaveta Nikolaevna Kuris's Memories of Her Last Year in Russia. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):99—124. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-99-124>. <https://elibrary.ru/kegybh>.

Воспоминания русских эмигрантов, оказавшихся после революции 1917 г. в изгнании в разных странах, важны и ценны. Независимо от своих художественных качеств они являются документами эпохи, свидетельствами персонального опыта и идентичности со всеми плюсами и минусами эго-документов. В данной статье мы хотим представить мемуары Елизаветы Николаевны Курис «Дни террора в Царском Селе», где она рассказывает о своей жизни с октября 1918 по октябрь 1919 г. в Царском Селе, об арестах, заключении в тюрьму, допросах в Чрезвычайной комиссии и пережитой эпидемии тифа, а также бегстве из России.

Елизавета Николаевна Курис родилась 11 (24) ноября 1874 г. в Санкт-Петербурге в семье Николая Ивановича Петрова (1841—1905), на тот момент полковника, начальника отделения Главного штаба, и Елизаветы Михайловны Зеленко, тоже происходившей из семьи военного. Елизавета Николаевна была старшим ребенком в семье, судьба ее младшего брата Владимира (род. 1878) нам не известна. Отец происходил из дворян Саратовской губернии, но семья была небогата, родовых или благоприобретенных имений не имела. К моменту замужества Елизаветы Николаевны ее отец в чине генерал-лейтенанта занимал должность директора Департамента полиции МВД, затем был назначен начальником Главного управления почт и телеграфов (1895—1905), в 1901 г. произведен в генералы от

инфантерии «за отличие по службе», в 1903 г. назначен членом Государственного совета¹ [1].

Девятого сентября 1894 г. в возрасте 19 лет Елизавета Николаевна вышла замуж за корнета Ивана Ивановича Куриса (1871—1938). Кúрисы — дворянский род с греческими корнями, история которого тесно связана с Новороссией, Таврией, Одессой. Муж Елизаветы Николаевны около 15 лет прослужил в лейб-гвардии Гусарском Его Императорского Величества полку, в 1907 г. вышел в отставку в чине полковника. Именно тем, что Иван Иванович давно оставил службу и жил помещиком, объясняется факт, что он избежал участи многих своих знакомых быть расстрелянным.

Так как полк квартировал в Царском Селе, то и жизнь четы Курисов была связана с этим местом. После свадьбы они снимали квартиру в доме светлейшей княгини Имеретинской на Средней улице, а после выхода Ивана Ивановича в отставку купили дом № 13 на Павловском шоссе [2, с. 15]. В семье родились двое детей: сын Николай (род. 1895) и дочь Любовь (род. 1896). Население Царского Села было небольшим, многие дружили или были хорошо знакомы. Во время Первой мировой войны Курисы организовали госпиталь в своем доме, Елизавета Николаевна бывала в больницах, хорошо знала врачей и медсестер в Царском Селе, так что неудивительно, что ее с дочерью тепло принимали в госпитале после их заключения.

Иван Иванович, как старший сын в семье, после смерти отца Ивана Ираклиевича Куриса (1841—1898) унаследовал богатое родовое поместье Курисово-Покровское (сейчас село Петровка, Одесская область, руины усадьбы и ныне известны как «замок Курисов»), а также коллекции отца. Иван Ираклиевич был известным коллекционером. Основу его коллекции составляли бумаги А. В. Суворова, Г. Р. Державина, графа Д. И. Хвостова и других знаменитых людей, автографы таких русских писателей и поэтов, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, Ф. В. Булгарин. У него была большая коллекция редких и антикварных книг, собрание археологических древностей (скульптуры, фарфор, предметы мебели, картины, гравюры). Славилась его нумизматические и филателистические коллекции. Историки считают, что большую часть коллекций Иван Иванович перевез в свой дом в Царском Селе [2]. Страх потерять эти сокровища и держал Курисов в Царском Селе после революции. Как и многие их знакомые, они, вероятно, верили, что беспорядки скоро закончатся, восстановится прежняя жизнь и все вернутся к привычному укладу. Им даже оставляли на сохранение вещи уезжавшие друзья (например, так поступили Чеботаревы, жившие от Курисов через дорогу) [3, с. 201]. Второй причиной, по которой Курисы не покинули свой дом, была эпидемия испанки, грипп поразил Елизавету Николаевну и Любовь Ивановну.

¹ На государственной службе отличился и старший брат отца — Александр Иванович Петров (1838—1915). На свадьбе племянницы он присутствовал как гофмейстер Двора Его Величества. В 1886—1895 гг. харьковский губернатор, в 1895—1897 гг. он станет помощником варшавского генерал-губернатора по гражданской части, в дальнейшем — сенатором и получит чин действительного тайного советника.

Княгиня Г., упомянутая в мемуарах, не кто иная, как княгиня Александра Николаевна Голицына (ур. Мещерская, 1864—1940) — вдова князя Павла Павловича Голицына (1856—1914). После смерти мужа она с детьми переехала в Царское Село, где поселилась в квартире «на тихой Новой улице, расположенной на южной окраине города и шедшей параллельно Бульварной (Ленинградской)» [4, с. 606]. Ее и дочь, княжну Марию Павловну (1895—1976), арестовали в те же дни, что и Курисов. Написанные княгиней Голицыной в эмиграции воспоминания опубликованы в Москве в 2017 г. под названием «Когда с вами Бог: воспоминания»¹. К сожалению, она не указывает конкретную дату ареста, пишет, что он «длился шесть недель. <...> Нас отпустили 22 ноября старого стиля 1918 года» [5, с. 180]. Из этого можно высчитать, что арест был произведен 22—24 октября 1918 г. (по новому стилю)

Ее описание дней, проведенных в ЧК, во многом совпадают с историей Курис. В отличие от Елизаветы Николаевны, Александра Николаевна рассказывает больше подробностей и упоминает гораздо большее число людей, что ценно для исследователей, при этом она более эмоциональна и несдержанна в оценках. Так, из ее воспоминаний мы знаем, что женщин, которых увезли вместе с Курисами в больницу, звали госпожа Тевяшова и Ефимович [5, с. 169, 172]. Княгиня Голицына пишет, что, когда ее отпустили, она ходила в больницу навещать подруг и даже отнесла им маленькую елочку на Рождество [5, с. 181], что свидетельствует о том, что надзор в больнице был не так уж строг и визиты были возможны.

В мемуарах Курис упоминает Устинию Александровну Тевяшову (ур. Козлова, 1843—1919) — вдову генерал-адъютанта Николая Николаевича Тевяшова (1841—1905). Женщина «около восьмидесяти лет... позже она умерла от тифа», «замечательный пример того, как человек может сохранять все свое благородство и гордость в самых тяжелых и унижительных обстоятельствах». Вместе с мужем они занимались благотворительностью. В собственном доме Тевяшовых в Царском Селе, расположенном на Захаржевской улице, дом 12, во время Первой мировой войны располагался лазарет для выздоравливающих раненых [6, с. 198]. В воспоминаниях Татьяны Боткиной она описана так: «Госпожа Тевяшова излучала благородство. Высокая и стройная, она очень прямо держалась, у нее были красивые, слегка вьющиеся белые волосы. Зимой она носила скромный черный, летом серый костюм, который еще больше подчеркивал ее обаяние и породу. Присутствие молодежи ей было приятно, и я чувствовала себя в ее обществе очень уютно. Ей было по крайней мере столько же лет, сколько моей бабушке, но это мне не мешало. Она умела разговаривать со мной как с подругой, и я восхищалась ею» [7, с. 116]. Боткина считала, что Тевяшову «арестовали как жену генерала по доносу их слуги, почтенного старца, которого все считали преданным и который в начале революции держал нас в курсе текущих событий» [6, с. 431] и она погибла в петроградской тюрьме [6].

¹ Андрей Кириллович Голицын (1932—2023), готовивший книгу к публикации, неправильно идентифицировал, о каких Курисах идет речь, он принял наших героинь за Елизавету Владиславовну (ур. Машевскую, 1893—1960, жену Александра Ивановича, брата Ивана Ивановича) и ее дочь Любовь Александровну (1896—1968) [5, с. 442].

Из воспоминаний Елизаветы Николаевны и княгини Голицыной мы знаем, что Тевяшова умерла от тифа в больнице в 1919 г.

Были ли Курисы монархистами? В мемуарах Елизаветы Николаевны пишет, что на этот вопрос на допросе она ответила: «Кем же еще я могу быть, принимая во внимание класс, которому принадлежу, и службу моего мужа?» Ответ скорее вынужденный, чем искренний. В дневнике ее подруги и соседки по Царскому Селу Валентины Ивановны Чеботаревой сохранилась запись от 3 (16) апреля 1917 г.: «Ел. Ник. Курис повторила слова священника, отца Афанасия, из Знаменской церкви, что Государь сейчас часто плачет во время службы, но она холодна и непреклонна — „гордыня все та же“» [3, с. 191]. Это было то самое время, когда после отречения Николая II его семья находилась под арестом в Царском Селе и дети болели корью. Вероятно, она скептически относилась к действиям царя, поэтому не выказывала особой жалости к его новому положению. Также мы знаем, что сын Курисов — Николай — сражался в белой армии, был убежденным монархистом даже в зрелом возрасте. Иван Иванович после того, как семья решила уйти с белыми войсками, старался быть полезен армии Юденича, находился в распоряжении командующего войсками театра военных действий и генерал-губернатора, а также начальника Управления по осведомлению, затем был членом ликвидационной комиссии Северо-Западной армии [8, с. 186]. В эмиграции состоял в объединении лейб-гусар и Союзе пажей.

Вместе с отступающими на север белыми войсками Курисы покинули Россию. Сначала они добрались до Нарвы, затем до Таллина, переехали во Францию, а в 1931 г. — в Бельгию. В Бельгии сначала жили в городе Икселе, с 1935 г. — в Брюсселе, где Иван Иванович умер 20 декабря 1938 г. После смерти мужа Елизавета Николаевна вернулась в Иксель, а по окончании Второй мировой войны переехала к сыну в Ирландию, в деревню Коллон, графство Лауф. Там она умерла 29 октября 1950 г. и была похоронена на местном кладбище. Ее надгробие не сохранилось, хотя надгробия других членов семьи, увенчанные православными крестами, стоят и недавно были отремонтированы.

В эмиграции оказались и многие их друзья и родственники. Семья младшего брата (Александра Ивановича Куриса) выехала в Константинополь, затем в Прагу, а в 1926 г. переехала во Францию [9, с. 248—250]. Их жизнь сложилась вполне успешно, есть и ныне здравствующие потомки.

Николай Иванович Курис имел звание прапорщика лейб-гвардии Гусарского полка, воевал в Вооруженных силах юга России, к лету 1919 г. имел звание корнета. В 1920 г. оказался в Константинополе, где служил в Американском Красном Кресте. Затем работал секретарем британского консульства в Салониках (Греция), где познакомился с Полом Андерсоном¹. Третьего июня 1923 г. в Баден-Бадене женился на Ксении Николаевне Бибиковой (1894—1966) (дочери

¹ В письме Пола Андерсона от 17 июля 1982 г. историку Марвину Лайонсу есть упоминание: «Моя жена и я очень рады, что вы храните памятные вещи отца Николая. Мы не знали его лично, кроме короткого контакта давным-давно в Салониках» [10].

генерала от кавалерии Николая Валериановича Бибикова, бывшего президента (городского главы) Варшавы, и Анны Евгеньевны фон Розеншильд-Паулин), а 25 сентября 1925 г. в Салониках у них родился сын Илья — их единственный ребенок. Илья умер 24 сентября 1934 г. в возрасте 8 лет. Вероятнее всего, Николай Курис в Салониках подружился с кем-то из ирландцев — представителей благотворительных организаций для беженцев и ему обещали в Ирландии помощь. В 1931 г. семья получила разрешение на переезд и обосновалась в ирландской деревне Коллон. Николай Курис занимался куриной фермой, выращивал грибы на продажу, что было в Ирландии делом новым, выращивал и продавал цветы, овощи, фрукты.

После Второй мировой войны дом Курисов стал русской языковой школой, которая пользовалась популярностью у военных, дипломатов и представителей академических кругов и приносила неплохой доход. Спрос на занятия русским языком был большой, и Курисы стали также проводить занятия в Дублине. После смерти Ксении Николаевны последние десять лет своей жизни Николай Иванович служил православным священником, единственным постоянно проживающим в Ирландии, принадлежал к Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Русская паства в Дублине была небольшой — все прихожане были белыми эмигрантами, людьми уже преклонного возраста. Приход был очень бедным. Отец Николай Курис умер 16 августа 1977 г. [11 ; 12] Его с большим уважением вспоминают и по сей день русские, румынские и греческие эмигранты, а также многие ирландцы.

Любовь Ивановна (она писала свое имя как Люба де Курис) работала в американской ИМКА в Европе, в 1950-х гг. переехала в США. В 1967 г. переехала к своему брату в Ирландию, чтобы заботиться о нем и помогать ему в служении. Отец Николай Курис и его сестра жили в Дублине в доме, который им был предоставлен в безвозмездное пользование семьей Апраксиных¹. На втором этаже в доме была оборудована небольшая часовня. После смерти брата Любовь Ивановна вернулась в США. Она умерла 7 января 1979 г. в городке Оранж, Калифорния. После ее смерти найденные в квартире бумаги и фотографии, среди которых были и мемуары Елизаветы Николаевны, были отправлены Полу Андерсону, так как он хорошо знал Любовь Курис. Андерсон оставил себе лишь несколько вещей, в том числе и воспоминания Е. Курис. Остальное отправил близким друзьям Любове Ивановны и историку Марвину Лайонсу, который собирал материалы, сувениры и памятные вещи о Пажеском корпусе и Российской империи, ранее он уже получил часть материалов Ивана Ивановича и Николая Ивановича Курисов. Позже, в 1982 г., Лайонс получил от Андерсона и оригинальную машинописную версию мемуаров [10]. Ее судьба, как и судьба всего архива Марвина Лайонса, нам неизвестна, скорее всего, после его смерти документы были проданы и находятся в частных архивах. Фотокопия мемуаров «Дни террора в Царском Селе», сделанная для себя Андерсоном,

¹ Дом располагался по адресу: 45 Pembroke Lane, Dublin 4. Сначала он принадлежал дочери графа Петра Николаевича Апраксина Марфе Апраксиной (1913—1968), работавшей врачом в Дублине, после ее смерти — ее сестре Надежде Макаровой (ур. Апраксина, 1911—2002).

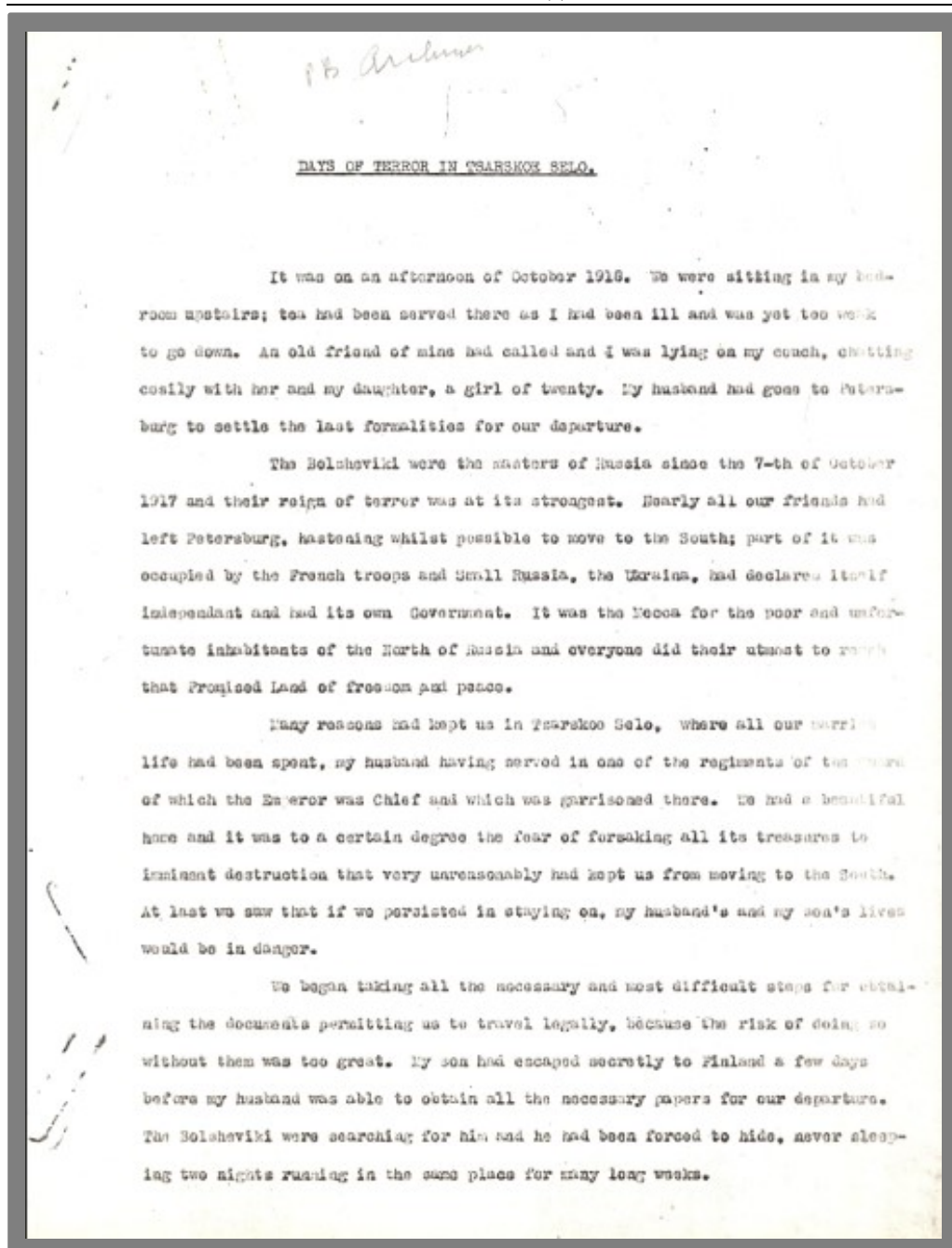
найдена среди его бумаг, она хранится теперь в архиве Университета Иллинойса, США [13].

Воспоминания Елизаветы Николаевны Курис написаны на английском языке. Мы не знаем точно, когда и для кого она их написала, но можем предположить, что это было сделано в середине 1920-х гг. Об этом свидетельствуют такие детали, как упоминание в конце повествования, что семья обосновалась в Европе и получила известие о Николае, который был эвакуирован в Константинополь и нашел там работу, при этом Любовь Ивановна работает уже второй год. Мы думаем, что она писала для коллег или знакомых дочери из Америки, поскольку не упоминает имена друзей и адреса в Царском Селе, которые должны были бы знать ее дети или родственники, не упоминает название полка, в котором служил муж, зато описывает русские реалии, например объясняет, что такое «извозчики», «черный хлеб» и «чрезвычайка». Предполагаем, что Елизавета Николаевна не раз рассказывала историю ареста и пережитых страданий, но ее убедили записать воспоминания, пока детали не стерлись из памяти. Как и многие эмигранты из Российской империи, Елизавета Николаевна не считала нужным описывать жизнь в изгнании и не называет страну, где находится в момент создания текста, как впрочем и год. Хотя для нас, живущих в XXI в., интересно узнать подробности жизни русских беженцев.

Больше 20 страниц текста воспоминаний отпечатаны на машинке (рисунок). Страницы пронумерованы, за исключением первых трех. С середины 10-й страницы текст не делится на абзацы, часто рассказ написан очень длинными предложениями, где части отделены точкой с запятой. Поля на страницах машинописи отличаются по ширине, на разных страницах используются разные интервалы между строками, что указывает на неопытность печатавшего. Можно предположить, что в какой-то момент при печати текста решили экономить бумагу. Встречаются опечатки и ошибки в написании английских слов. При переводе мы разбили текст на абзацы и разделили слишком длинные предложения на более короткие для удобства чтения.

Елизавета Николаевна использовала написание «Ukraina» вместо «Ukraine» и «Tcheka» и «Tchrezvitchaika» вместо «Cheka» и «Chrezvychaika», не использовала заглавную букву при написании слов «большевики» и «красные» (написание по правилам английского языка — «the Bolsheviks» и «the Reds»). Это может быть еще одним доказательством того, что воспоминания были написаны в 1920-х гг., до того, как подробное написание стало общепринятым. Однако нельзя исключать простую неопытность. Автор мемуаров всегда называла Санкт-Петербург Петербургом, а не Петроградом, что точно свидетельствует о неприятии нового наименования.

Мемуары написаны в сдержанном, спокойном тоне, события проанализированы и логично изложены. Помимо исторических и биографических сведений воспоминания Елизаветы Курис ценны, на наш взгляд, тем, что они написаны женщиной о женщинах и являются прекрасным примером того, как выдержка и спокойствие помогают сохранить себя в самых тяжелых испытаниях.

Первая страница машинописи мемуаров Е. Н. Курис «Дни террора в Царском Селе»
First page of the typescript of the memoirs of E. N. Kuris "Days of Terror in Tsarskoe Selo"

Отрывки из мемуаров со вступительной статьей и комментариями были нами опубликованы на английском языке в журнале итальянских славистов «Russica Romana» в 2023 г. [14] На русском языке воспоминания Е. Н. Курис публикуются впервые.

Приложение Annex

Дни террора в Царском Селе¹

(перевод с английского и комментарии А. С. Быковой)

Октябрьский вечер 1918 г. Мы сидели в моей комнате на втором этаже; нам подали чай, так как я все еще была больна и слишком слаба, чтобы спуститься. Зашла моя старинная приятельница, и я, расположившись на кушетке, вела милую беседу с ней и моей двадцатилетней дочерью. Муж отправился в Петербург уладить последние формальности перед нашим отъездом.

Большевики хозяйничали в России с 7 октября 1917 г., и их террор был в самом разгаре. Почти все наши друзья покинули Петербург, спеша, пока возможно, перебраться на юг, часть которого была занята французскими войсками, а Малороссия, Украина, провозгласила себя независимой и обрела собственное правительство. Нам, бедным и несчастным обитателям севера России, она казалась Меккой, и каждый делал все возможное, чтобы достичь сию землю обетованную, землю свободы и мира.

Многие причины удерживали нас в Царском Селе, где прошла вся наша совместная жизнь. Муж служил в одном из гвардейских полков, их шефом был сам Император, и полк был расквартирован именно здесь. У нас был прекрасный дом², и страх перед тем, что его богатства могут быть оставлены на разграбление, не давал нам решиться на отъезд на юг. Наконец мы поняли, что, если упорствовать и дальше, жизнь мужа и сына будут в большой опасности.

Мы начали предпринимать все необходимые и весьма непростые шаги для получения документов, разрешающих нам ехать легально, так как риски от путешествия без них были слишком велики. Сын тайно бежал в Финляндию всего за пару дней до того, как муж смог получить все необходимые для отъезда документы. Большевики искали его, и он вынужден был скрываться, ни разу не проведя две ночи подряд в одном месте на протяжении многих недель. Его отъезд был столь внезапным, а я так слаба и больна, что не смогла поехать в Петербург увидеться с ним и поцеловать на прощание. Он бежал в Финляндию под чужим именем, одевшись рыбаком. Мы долгое время ничего о нем не знали и очень боялись, что красногвардейцы застрелили его на финской границе.

Как я уже упомянула, тем вечером, когда берет начало мой рассказ, мы сидели за чаем, стремясь придерживаться разговора на нейтральные темы, чтобы отвлечься от постоянно мучающих нас мыслей о трагическом и безнадежном положении страны и всех нас.

Внезапно наш мирный разговор был прерван нетерпеливыми требовательными звонками и громким стуком во входную дверь, которые, как казалось, сотрясали весь дом. Мы переглянулись, отчетливо понимая, что означает этот шум: страшный визит агентов Чрезвы-

¹ Публикуется с разрешения архива Иллинойского университета в Урбана-Шампейн.

² Павловское шоссе, 13 (дом не сохранился).

чайной комиссии, известной как Чрезвычайка. Дочь поспешила вниз, и, когда она вернулась, за ней следовали два большевистских агента, вооруженные до зубов. Они напыщенно объявили нам, что мы арестованы по приказу Советского правительства и что дом окружен их людьми. Красногвардейцы с винтовками были расставлены по всему дому, один — дежурить у телефона. Он записывал имена звонивших, чтобы арестовать их позже и обыскать их дома. Все слуги и мы сами оказались заперты в моей спальне под охраной одного из агентов, который только и делал, что важничал: сидел, развалившись в кресле, держа руки в карманах, и курил прямо нам в лицо.

Все мои мысли были сосредоточены лишь на одном — когда же муж вернется из города и что его ожидает. Первой вернулась французская гувернантка дочери, женщина, которую мы любили и уважали. Ее немедленно препроводили в нашу комнату. Я выбрала момент, когда большевистский агент вышел, и передала мадемуазель свое самое ценное кольцо и изысканные жемчужные серьги. Я попросила ее сохранить их, полагаясь на наивное убеждение, что ее статус иностранки убережет ее. Я сказала ей, что, если нас расстреляют, она вправе ими распорядиться. Сумма, что она смогла бы за них выручить, обеспечила бы ее на многие годы.

Никогда не забуду того острого чувства страдания, которое испытала, услышав голос моего дорогого мужа в коридоре. Он как раз вернулся, и его допрашивали и обыскивали большевики. У него все забрали. Я знала, что он должен был привезти из города мое жемчужное ожерелье, и, конечно, его забрали со всеми остальными ценными предметами. Эти люди сразу же присвоили себе часть наших вещей. Они разгуливали по дому с пенковыми курительными трубками моего мужа, а он собрал весьма ценную коллекцию, курили его сигареты и сигары.

Оглядываясь назад на те мрачные ужасные дни, мы теперь понимаем, что обыском дома и арестом мы обязаны двум нашим слугам, которые были коммунистами, что тогда нам было неизвестно. Они доложили Чрезвычайной комиссии о нашем возможном отъезде и о том факте, что мы принесли домой все драгоценности из тайника. Мужу, после того, как его допросили и обыскали, приказали сопровождать агентов по всему дому, доставать и показывать все наши пожитки. Это унижительное действие продолжалось всю ночь.

Сына моей подруги также арестовали и привели в нашу комнату. Они с матерью жили в нашем дворе в доме, который также принадлежал нам. Красногвардейцы отправились и туда и занялись грабеджом. Нас держали взаперти более двадцати четырех часов, в это время агенты опустошали наш дом. Они достали все из всех шкафов, набивая чемоданы и дорожные сумки нашими простынями и скатертями, одеждой, мехами и серебром. Еще долго мне казалось, что я слышу позвякивание друг о друга сваленных вместе в чемоданы тарелок и серебра.

На следующее утро нас вызывали по очереди в комнату моей дочери. Там, за экраном, который я сама вышивала для мужа с такой любовью, нам приказали раздеться. Специально привезенная большевиками женщина следила, чтобы мы разделись донага и обыскивала нас, в том числе и волосы, в поисках сокровищ, которые мы

якобы утаивали. Наша бедная мадемуазель не избежала той же участи, даже ее французское гражданство не имело значения для этих беспринципных людей. Слуги, за исключением двух коммунистов, принуждены были отдать все свои накопления и те недорогие мелкие безделушки, что заработали. Должна сказать, мы смогли сохранять спокойствие и самообладание, что еще больше приводило в ярость наших врагов, они угрожали пристрелить нас, потрясали кулаками перед нашими лицами и использовали самые страшные слова и выражения. Как же больно было видеть, с каким достоинством и спокойствием мой бедный муж встречал все эти оскорбления.

Когда нам наконец разрешили одеться, мужчина, сидевший за письменным столом моей дочери, приказал нам подойти. Он был начальником и, как и все остальные, пьян. Он велел нам снять все украшения, что были на нас, даже обручальные кольца. Мы молча подчинились, и наше внешнее равнодушие взбесило его. Он разразился яростной тирадой, полной самыми ужасными проклятиями: что мы грабили народ и отнимали то, что их по праву, что мы пили их кровь и что смерть была бы слишком легким наказанием для нас.

В час ночи на второй день нам приказали одеться и спуститься вниз. Агенты забрали все наши вещи, и в пустых шкафах мы нашли лишь зимнее пальто дочери и меховой жакет. Моей бедной подруге, женщине 65 лет, отказали в разрешении послать домой за ее пальто. Эти негодяи пригрозили застрелить ее, если она не последует за ними, так что ей пришлось идти в платье и легкой шали, накинутой на голову.

Никогда не забуду тот трагический момент: темные дубовые ступени слабо освещены лишь мерцающими свечами, пьяные, жестокие лица мужчин, их триумф и ненависть, и мы, спокойные и прекрасно владеющие собой, неслышно идем следом за ними по нашим собственным ступеням к грузовику, ожидающему во дворе, освещенном факелами. Также никогда не забуду и двух слуг-коммунистов, стоящих в верхнем коридоре, смеющихся и издевающихся над нами и другими арестованными слугами.

Во дворе стояло несколько багажных фургонов, забитых нашими чемоданами, готовые к отправке. Нам приказали забраться в грузовик, куда вместе с нами уселись четверо или пятеро вооруженных охранников. Они держали винтовки наготове. Должна сказать, я была абсолютно уверена в судьбе, которая ждала всех нас: Петербург, Чрезвычайная комиссия, а затем — рано или поздно — смерть.

Мы пронеслись по темным, хорошо знакомым улицам, пьяные сопровождающие постоянно палили в воздух, надеясь испугать нас и заставить кричать, чтобы иметь повод прикончить нас прямо там на месте. Мы определенно не доставили им такого удовольствия и были доставлены живыми к дому нашего друга графа С. Ф.¹, бывшего офицера — однополчанина моего мужа. Мы посещали данный дом по многим случаям, совершенно отличным от нынешнего. Нас оставили ждать в ледяном темном зале, полном пьяных красноармейцев. Ожидание показалось мне вечностью, потом пришли новые

¹ Дом графа Стенбок-Фермора на ул. Широкой не сохранился. Александр Владимирович Стенбок-Фермор (1878—1945) служил вместе с И. И. Курисом в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку.

агенты Чрезвычайки и увели мужа вместе с сыном моей подруги. Что за момент: я была уверена, что нас разлучают навсегда. Через какое-то время пришли и за нами, женщинами, и повели по темному дому, который я все никак не могла признать в его новом состоянии. Казалось, нас конвоировали прямо к крыше.

Тюремщик провел нас по длинному темному коридору мимо нескольких закрытых дверей. На следующий день мы узнали, что за нами были камеры, заполненные арестованными большевиками известными людьми, многие из которых были нашими друзьями. Мужчина остановился перед последней дверью, открыл ее и буквально втолкнул нас в темноту. Мы споткнулись обо что-то и упали. Кто-то зажег спичку, и мы увидели на мгновение маленькую комнату, где вповалку на полу лежали женщины. Было так тесно, что нам ничего не оставалось, как лечь там, где мы упали. В полной темноте и тишине, нарушаемой только тяжелыми вздохами и стонами заключенных, мы устроились в этой куче, как смогли. Мною овладело чувство полного равнодушия к происходящему, я жила только одной мыслью, одним мучением — куда они забрали моего мужа?

Дочь прижалась ко мне, и так мы провели нашу первую ночь в заключении.

Раннее утро началось с неожиданной большой радости: из соседней камеры мы услышали кашель моего мужа. Новые доказательства милости Божией были явлены нам: вскоре вошел новый тюремщик с кувшином теплой воды, в которой плавала пара листиков чая¹, — таков был наш завтрак на протяжении всех четырнадцати дней, что мы оставались в Чрезвычайной комиссии. Перед уходом он выкрикнул мое имя и показал знаками, чтобы я следовала за ним в коридор. Когда я вышла, он хрипло пробормотал, что мой муж в порядке и бодр. Я поблагодарила его, но не осмелилась передать какое-либо сообщение мужу, опасаясь предательства. Позже выяснилось, что этот тюремщик служил солдатом в полку мужа, он обращался с нами вполне прилично, даже умудрялся открывать двери наших камер в одно и то же время, позволяя обменяться несколькими словами приветствия. Это успокаивало, давало нам с дочерью силы и поддерживало в нас мужество.

В одной камере нас было пятнадцать женщин; она была так тесна, что, когда мы ложились, между нами совсем не оставалось свободного места. Мы спали на полу на тонких матрацах, используя свои пальто вместо подушек².

¹ Княгиня Голицына пишет, что именно Курис[с]ы принесли с собой чай: «Раз в день нам приносили большой кувшин кипятку, в который Курис[с]ы опускали несколько чаинок из спичечной коробки, принесенной с собой. Это называлось утренним чаем» [5, с. 169].

² Княгиня Голицына в своих мемуарах описывает комнату подробнее: «Женская камера была в третьем этаже в коридоре за кухней и, видно, служила когда-то комнатой кухонных мужиков. В ней было только одно окно, заделанное кирпичами с пролетами, через которые виднелся золотой крест Екатерининского собора. Комната была переполнена женщинами, там были: госпожа Курис[с] с дочерью и ее французской гувернанткой; Новосильцева, жившая прежде в соседнем доме; госпожа Ефимович; кухарка и горничная Тевяшовой; одна премилая баба по фамилии Мишура. <...> Еще была одна молодая жидовка и две какие-то женщины, которые, кажется, были чекистками, обязанными наблюдать и подслушивать. А еще была девушка Курис[с]ов, так что всего в маленькой комнате оказались двенадцать человек. <...> В комнате было две кровати: на одной лежала весь день госпожа Курис[с], на другой — Новосильцева. Была также небольшая тахта, на которой лежали три женщины. Для остальных были матрацы на полу, так что вся комната была заставлена» [5, с. 168—169].

Среди заключенных мы встретили троих наших знакомых, арестованных раньше нас. Это все были женщины, принадлежащие к лучшим семьям. Одной из них было около восьмидесяти лет, и позже она умерла от тифа¹. Слуги наших друзей также были арестованы.

Каждый день к арестантам добавлялись новые лица, но большинство из них оставались только на день или два. Обычно это были женщины из низших слоев общества, и казалось очевидным, что большевики специально сажали их в нашу камеру, чтобы сделать наше пребывание здесь еще более невыносимым. Они разговаривали ужасным языком, по ночам сыпали ругательствами и сплевывали на пол. Для меня и моей подруги, княгини Г., было невыразимо горько видеть наших дочерей рядом с такими низкими созданиями.

Мы проводили свои дни следующим образом: по утрам нашу дверь отпирали и нас вели на кухню; там, под насмешливым взглядом тюремщика, нам позволяли помыть руки и лицо под краном. Если охранник был в плохом настроении, он едва позволял нам умыться, крича, что нам лучше бы забыть о наших барских привычках, и приказывал немедленно вернуться в камеры. После этого он приносил наш завтрак, который состоял, как я уже упоминала, из кувшина с теплой водой². Затем он обычно уходил и запирали за собой дверь. Мы ненавидели звук ключа, поворачивающегося в замке.

Так как, когда мы покидали дом, нам ничего не позволили взять с собой, время тянулось очень медленно. Княгиня Г. оказалась более удачлива, она захватила с собой несколько книг и каждое утро читала нам из Евангелия, из святого источника мы черпали мужество и утешение.

В 3 часа дня нам давали обед. Обычно он состоял из крошечного кусочка черного хлеба, двух-трех отварных картофелин — чаще всего гнилых — и одной селедки, которую нужно было разделить на всех пятнадцать человек³. Ни ножей, ни вилок нам не давали, тогда моя горничная сообразила вынуть из корсета стальную косточку и с ее помощью чистила и делила рыбу. Случались и счастливые дни. Когда арестовывали крестьян, семьи передавали им большие ведра с супом, которые распределялись между всеми заключенными, каждому доставалось один-два половника. Мы лакали суп как собаки, очень аккуратно подталкивая редкие кусочки овощей к губам пальцами, чтобы ни в коем случае не пропустить ни одного драгоценного кусочка капусты. Обычным же состоянием к этому времени были голод и слабость с оглушительным звоном в голове.

¹ Устиния Александровна Тевяшова (ур. Козлова, 1843—1919), вдова генерал-адъютанта Николая Николаевича Тевяшова (1841—1905).

² Княгиня Голицына рассказывает так: «Дважды в день, утром и вечером, нас выпускали погулять в коридор для туалета <...>. Всего-то нам давали по десять минут, а утром нужно еще было исхитриться и забежать на кухню, чтобы вымыться под краном да вычистить зубы. Если же у крана нас заставлял чекист, то всегда кричал: „Нечего вам, буржуям, здесь размыться! И так хороши!“ и при этом прогонял» [5, с. 169].

³ У Голицыной несколько по-другому: «В 12 часов давали две селедки, полфунта на всех черного хлеба, завернутого в грязную тряпку, и несколько маленьких картошек. Со временем мы узнали, что все продукты приносили крестьяне для своих арестованных, но тем никогда не доставалось, так как отдавалось другим заключенным. Все это, конечно, делилось поровну, и обыкновенно просили почему-то делить меня» [5, с. 169].

Я жила в постоянном ужасе, две мысли все никак не давали мне покоя. Первая — страх услышать, как мужа забирают из соседней камеры и увозят, конечно же, в неизвестном направлении. И второй страх — видеть, как мою дочь уводят на допрос и представлять все, что этот кошмар может за собой повлечь.

Первые несколько дней тянулись монотонно: мы либо разговаривали намеками, но больше молчали, ослабевшие от голода и погруженные в свои печальные мысли. Мне было очень плохо. Старый недуг, от которого я так и не отправилась до ареста, обострился от новых телесных и душевных страданий. Все дни я проводила на жестком матрасе на полу.

На четвертый день, поздним вечером, дверь нашей камеры внезапно открылась, и при свете лампы, которую держал тюремщик, мы разглядели двух красноармейцев с винтовками. Они выкрикнули мое имя, приказывая следовать за ними. Так случилось, что именно в тот вечер я впервые расшнуровала ботинки, до того мы все боялись это делать, но ноги настолько сильно отекали, что невозможно было стоять. И хотя я даже не пыталась зашнуровать ботинки, а только трясущимися пальцами пыталась обмотать шнурки вокруг ног в совершенно темной камере, охранник посчитал, что я вожусь слишком долго и пригрозил застрелить меня, если я не потороплюсь. С большим трудом с помощью дочери и друзей я поднялась с пола и, шатаясь, последовала за охранником по темному коридору. Проходя мимо камеры мужа, я мысленно простилась с ним и молилась, чтобы издаваемый нами шум не привлек его внимания. Мы прошли через многие комнаты, некоторые из них были мне хорошо знакомы. Вот гостиная, в которой мы танцевали много раз веселыми вечерами. Теперь они были завалены кучами награбленного. Я узнала некоторые вещи, которые были взяты из нашего дома или домов наших друзей.

Конвоиры привели меня в комнату графини, она освещалась одной свечой, стоящей на письменном столе. За столом сидел мужчина с бледным грубым лицом. Он был вооружен с ног до головы, что, конечно, абсолютно естественно, когда имеешь дело с таким опасным преступником, как я. Он долго смотрел на меня, видимо, стараясь произвести впечатление своей твердостью и суровостью. Чувствуя, что из-за слабости я больше не могу стоять и вот-вот упаду перед ним, я попросила дать мне стул и стакан воды. Опасаясь, что моя слабость может быть по ошибке воспринята как трусость, я напомнила ему, что меня бросили в тюрьму после серьезной болезни. Он пододвинул мне кресло и затем, усевшись, немедленно приступил к допросу.

— Каковы ваши политические убеждения? Вы монархистка? — громко выкрикнул он свой первый вопрос.

— Кем же еще я могу быть, принимая во внимание класс, которому принадлежу, и службу моего мужа? — ответила я.

— Но вам должно быть стыдно за такие чувства, — воскликнул мужчина, — неужели вы не понимаете, что именно из-за таких как вы народ погряз в нищете и страданиях? Моя мать, несмотря на свой преклонный возраст, работает как проклятая, едва зарабатывая на кусок хлеба!

— Я прекрасно осознаю, как тяжело и беспросветно живетсЯ многим вашим людям, но разве так происходит только в нашей стране?

— Так вы признаете социализм? — нетерпеливо спросил мужчина.

— Как некий идеал, за который мы все должны бороться, — да, но, боюсь, его нельзя воплотить в жизнь и особенно в стране, где люди стоят на такой низкой ступени культуры, как здесь. Как бы то ни было власть теперь в ваших руках, вот и покажите нам, что равенство и свобода — не пустые слова и вы закладываете основание новой эры. Но, боюсь, случится все совершенно наоборот, и вместо царства равенства и свободы движущими силами станут ненависть и личная месть.

Затем мы обсудили политику во вполне мирном тоне, мой судья забыл о допросе, и мы проговорили до утра. Мы связывали наш арест с побегом сына в Финляндию, и я с волнением ждала вопросов об этом. К моему удивлению, большевистский агент лишь вскользь упомянул имя моего сына, так что стало очевидно, что нас арестовали, чтобы ограбить нас и наш дом. Достигнув таких блестящих результатов, обнаружив и награбив гораздо больше, чем ожидали, они, наверное, не хотели больше о нас думать, и я почувствовала уверенность, что если нас не отправили в Петроград в Чрезвычайную комиссию (ЧК, как ее называли), то, возможно, мы будем спасены. Я едва могла собраться с мыслями, голова кружилась от усталости и слабости, но я старалась изо всех сил не сдаваться перед моим врагом. Наконец он и сам устал, поднялся и важно заключил: «Теперь вы можете идти». Затем изменил тон и прокричал во весь голос: «Завтра я допрошу вас снова при совсем других условиях и найду средства заставить вас говорить и признать свои преступления!» Какие преступления? Когда ни слова о них не было сказано. Конечно же я понимала, что его громкие слова были адресованы не столько мне, сколько двум охранникам у двери. Они тут же вошли. Меня отвели обратно в камеру, где я в полубессознательном состоянии повалилась рядом с дочерью. Бедное дитя пережила агонию отчаяния, ожидая меня. Меня не было около трех часов, и она, и мои друзья были уверены, что я не вернусь. На следующий день я была слишком больна, чтобы куда-то идти, и это спасло всех нас.

Прошло несколько дней, но ничего не менялось, на допросы не вызывали. Состояние здоровья ухудшалось с каждым днем, я больше не могла держаться и попросила врача. Просьбу оставили без внимания. Однажды вооруженные люди пришли за дочерью, французской гувернанткой и мной и повели всех вниз. Каждую из нас по очереди отводили к человеку, которого мы прежде не видели. Он не участвовал в обыске нашего дома. Вскоре стало ясно, что, к счастью для нас, он был не большевиком, а социалистом. Он проявил себя хорошим и добрым человеком. Исключительно ему мы обязаны переводом из ЧК. Он был одним из судей Чрезвычайной комиссии, проводившим допросы, хотя его политические убеждения отличались от убеждений тогдашних властей, среди которых было совсем немного людей, обладавших культурой или профессией. Он разговаривал с нами по-доброму и допрашивал по-человечески.

Заметив мое тяжелое состояние, он поинтересовался, чем я больна, добавив, что в молодости изучал медицину, и предложил говорить

с ним откровенно. После моего рассказа о недуге он проникся сочувствием.

— Неужели вас арестовали и бросили сюда в таком состоянии? И теперь не позволяют увидеться с врачом? Назовите мне сейчас же имя вашего врача, и обещаю вам, что он будет у вас сегодня же.

Глубоко тронутая его добротой, такой редкой и ценной в подобном месте, я назвала имя своего врача. Он тут же отпустил меня. С такой же внимательностью он отнесся к дочери и мадемуазель. Когда последнюю привели к нему, он уверил ее, что выполнит обещание. Он сказал ей, что его ужасает наш арест:

— Эти люди совершенно невиновны, — сказал он, — их единственное преступление — их богатство. И все. Я должен сделать все, что в моих силах, чтобы добиться их освобождения. К несчастью, не будучи большевиком, я могу не так уж много, я сам под подозрением и за мной пристально следят. Но я обещаю вам, что врач сегодня осмотрит вашу подругу.

Вечером, часов в 11, дверь нашей камеры открылась, и в сопровождении двух красноармейцев и агента ЧК вошел наш доктор. Можете легко представить его ужас от встречи с нами при таких обстоятельствах, но он совладал с собой, чтобы не выдать своих чувств и эмоций перед охранниками, остававшимися рядом на протяжении всего его визита. В такой обстановке он, естественно, не мог провести осмотр, только дал лекарство. Доктор обещал ходатайствовать за нас и упросить, чтобы меня и мою дочь перевели в больницу. Я рассказала ему, что за все четырнадцать дней, проведенных здесь, мы ни разу не раздевались, и что боль, которую я испытывала, порой становилась столь невыносимой, что я сомневалась, выдержу ли еще хоть немного. И он, и я мало верили в успех, слабая надежда угасла совсем по прошествии нескольких дней, ничего не менялось.

На четвертый день после визита доктора дверь камеры вдруг распахнулась, и внутрь вошли несколько красноармейцев. Они были вооружены винтовками, также на поясах висели большие револьверы. Их сопровождали два агента ЧК. Они выкрикнули наши имена, а также имена двух пожилых дам и юной княжны Г. Нам приказали надеть пальто и следовать за ними. Бедную мать княжны Г. разлучили с ее дочерью, даже не сказав, куда ту уводят. Наша любимая мадемуазель и остальные слуги остались в Чрезвычайной комиссии. Пока мы собирались, я напряженно прислушивалась к тому, что происходит в соседней камере, где находился муж. Вокруг царила тревожная тишина, ничего необычного не было слышно. Когда мы оделись, красногвардейцы окружили нас и повели по коридору. Проходя мимо камеры мужа, я заметила, что она открыта, и с ужасом увидела, как он торопливо надевает пальто. «Куда они его увозят?» — меня охватило тошнотворное чувство ужаса, и тотчас же пришла мысль о жуткой Верховной чрезвычайной комиссии в Петербурге¹. Я знала слишком хорошо, что, если он попадет туда, то я потеряю его. В ее стенах был возможен только один вердикт —

¹ Правильное название «Всероссийская чрезвычайная комиссия» (полное — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, позднее — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности). Видимо, Е. Н. Курис упростила название для понимания англоязычными читателями.

смерть. Мы даже не успели обменяться прощальными взглядами, с такой спешкой нас протащили по коридору, вниз по лестнице, через холл и парадную дверь прямо на улицу.

Нанятые повозки ожидали в готовности, нам приказали садиться, следом залезли солдаты. К счастью, дочь была со мной, и я молила Господа не разлучать нас до самого конца. Мы ехали по городу, пытаясь угадать, куда же нас везут. Наконец остановились перед военным госпиталем¹. Охранники вывели нас и конвоировали в приемное отделение. Пришлось очень долго ждать прихода врача. Солдаты потребовали, чтобы он записал наши имена, и пока это делалось, дверь снова открылась, и на пороге мы, к нашему изумлению и огромной радости, увидели моего мужа, его друга и еще нескольких заключенных из ЧК. Они были под бдительным надзором красноармейцев. Конечно, мы не могли разговаривать, но даже видеть друг друга и находиться в одной комнате казалось счастьем. Мы надеялись, что нас всех поместят в одну больницу, но нам не повезло. Врачи решили, что женщины не могут остаться здесь, поскольку это был военный госпиталь, и поэтому без промедления нас вывели из приемного отделения обратно к нашим «извозчикам», как мы в России называем эти конные повозки. Так мы снова расстались с мужем, не попрощавшись и не зная, будет ли нам суждено встретиться когда-нибудь снова.

Нас привезли в городской госпиталь², где нас наконец встретили дружелюбные добрые лица. Такая перемена казалась чудом, и мы полностью осознавали, как же нам повезло вырваться из Чрезвычайной комиссии. Мы были уверены, что здесь встретим много знакомых докторов, кроме того, главный хирург и его семья были старыми друзьями моей бабушки. И среди медсестер я знала многих, благодаря тому, что во время войны часто приводила сюда раненых солдат из госпиталя, устроенного в нашем доме, для рентгеновских исследований и операций. Вздых изумления встретил нас, когда охранники ввели нас в приемную. Никто не задавал вопросов; наши имена молча записали. Затем охранники потребовали провести их по госпиталю, чтобы выбрать палату, которая станет для нас новой тюрьмой. Солдаты тщательно проверили двери и окна, чтобы убедиться, что мы не сможем бежать. Покончив с этим, они оставили нас.

Глубокий вздох облегчения и благодарности вырвался у нас, и мы от всего сердца благодарили Бога за Его великую милость. Восторг от пребывания среди людей, не принадлежащих к ЧК, не являющихся большевиками, многих из которых мы знали раньше, заставил нас на мгновение забыть, что мы остались пленниками и всего лишь поменяли одно место заключения на другое. Когда мы увидели, что красноармейцы наконец ушли и что наша дверь не заперта, нашей радости не было предела.

Мы заглянули в другие палаты, переполненные людьми, привезенными сюда с водяной — следствием голода, который уже тогда явственно ощущался на севере России. Выглядели они ужасно,

¹ Царскосельский военный госпиталь располагался по адресу: Волконская улица близ Орловских ворот, сейчас Парковая улица, 58. Здание сохранилось, переделано в жилой дом.

² Вероятно, речь идет о Царскосельской дворцовой больнице, ныне Городской больнице № 38 им. Н. А. Семашко на Госпитальной улице, д. 7/2.

опухшие и почему-то прозрачные, многим уже нельзя было помочь, большинство умирало. Сама больница уже не была тем чистым, идеально организованным заведением, каким мы ее помнили в полностью рабочем состоянии, теперь она стала грязной и разрушенной. Тем не менее нам, после ЧК с его пьяными и жестокими солдатами, она казалась настоящим раем. Медсестры, подобно милосердным ангелам, встречали нас добрыми словами и выказывали искреннюю жалость. Мы мечтали помыться, но тут нас постигло первое разочарование. Больничные ванны уже долгое время не работали, и не было никакой надежды на восстановление канализации. Важно напомнить, что эпидемия тифа, принявшая впоследствии столь ужасающий масштаб, только что началась; если бы тогда чистота и санитарные условия поддерживались на должном уровне, эпидемия никогда бы не достигла такой тяжести.

Прекрасное ощущение свободы исчезло, когда на следующее утро в нашу палату вошел красноармеец с винтовкой и револьвером. С тех пор за нами непрерывно следил вооруженный солдат из ЧК. Охрану не снимали до тех пор, пока страх перед сыпным тифом, бушующим в больнице, не заставил их ослабить контроль и отозвать солдат. Охранники менялись каждый день в 12 часов дня. Оба охранника, прошлый и новый, входили в нашу палату, чтобы убедиться, что мы все еще там. Затем они находились в маленькой приемной перед нашей палатой, устраивая там «приемы». Их посетителями были как мужчины, так и, что еще хуже, женщины. Там они ели и выпивали, пели веселые песни и часто вступали в ожесточенные ссоры, совершенно не обращая внимания на окружающие их страдания. Охранники могли войти в нашу палату, когда им вздумается, поэтому мы всегда беспокоились, чтобы нас не застали в неподобающем виде.

Комната у нас была хорошая, большая и просторная, но окна ни разу не открывались на протяжении всех четырех месяцев нашего пребывания, и за все это время нам ни разу не разрешили выйти наружу. Кровати были крайне примитивные, первое время мы спали прямо на досках, пока главный врач не позаботился о том, чтобы хоть немного улучшить условия. Между каждой парой кроватей стоял стол, и, поскольку стульев не было, все время приходилось либо сидеть, либо лежать на кроватях. К стене крепился умывальник. Вот и вся наша мебель. Несмотря на отсутствие привычного комфорта, мы были рады, что находимся здесь, и считали палату райским местом отдыха и покоя.

В палате нас было пятеро, кровать дочери стояла рядом с моей, и ощущение, что мы вместе и так близко друг к другу, служило утешением. Через несколько дней после того, как мы устроились на новом месте, один из врачей тайно передал мне письмо от мужа. Он привез его из военного госпиталя, который регулярно посещал. Это было не просто проявление доброты с его стороны, это был очень смелый поступок, потому что, выступая нашим связным, он рисковал своей свободой и жизнью: если бы у него нашли такое письмо, большевики заставили бы его жестоко поплатиться. С тех пор мы часто переписывались через него. По получении письма немедленно его уничтожали. Узнав, что муж находится в относительном ком-

форте, мы смогли немного расслабиться и позволить себе наслаждаться положением. Такое кажется невероятным, если сейчас вспомнить те ужасные условия, в которых мы провели четыре месяца после ЧК, а тогда они не казались не только терпимыми, но мы ежедневно благодарили Бога за то, что Он привел нас в это убежище.

Наша еда, хотя и получше, чем в Чрезвычайной комиссии, была на самом деле очень скудна. Все пациенты больницы получали одинаковый рацион: по утрам чашку очень слабого чая с куском черного хлеба (наш русский хлеб делается из ржаной муки грубого помола), пол [порции] первого — тарелку супа, весьма водянистого, и или картофельные котлеты, или конину, по вечерам — немного соленой селедки или немного овощного салата. Исключения делались в серьезных случаях, но разница была лишь в количестве выдаваемой пищи, ее качество никогда не менялось по той единственной причине, что ничего другого достать было невозможно. Вспоминая время, проведенное в больнице, я правда не знаю, как нам удалось остаться в живых, и, что еще более странно, мы никогда не были уж слишком голодны. Я даже умудрилась ни разу не попробовать конину, даже сама мысль о ней мне противна. Полагаю, именно недостаток движения и свежего воздуха приглушал в нас чувство голода. Время тянулось невыносимо медленно, нам нечего было читать, и мы были полностью изолированы от внешнего мира: никому не было позволено навещать нас и никакие сообщения не доставлялись. Единственной отдушиной в монотонности нашего дня были визиты доктора, да и тогда нам редко удавалось открыто поговорить с ним, так как охранник обычно оставался в нашей комнате вместе с врачом.

Помню, однажды вечером произошел довольно забавный случай: дежуривший солдат вошел в нашу палату и, усевшись на одну из кроватей, заговорил с нами. Сначала он проинформировал каждую из нас, что из наших домов было вывезено все, что в них находилось, и что нам не надо спешить с освобождением, так как нам фактически некуда идти. Вероятно, он думал, что сообщает нам очень приятную информацию, которая наверняка улучшит наше настроение, потому что тотчас же после этого он пригласил княжну Г., мою дочь и меня сопровождать его и его товарища вечером в кино. Это предложение меня не только поразило, но, надо сказать, и изрядно напугало. Я чувствовала, что нам готовят ловушку, поэтому мы очень вежливо поблагодарили его, но сказали, что, будучи заключенными, мы не можем выйти из своей комнаты.

— Не беспокойтесь об этом, — ответил он, — никто не узнает. Верьте только мне. Мой приятель тоже не проболтается.

Я еще раз его поблагодарила, но настойчиво отказала, ссылаясь на недавнюю болезнь дочери, от которой она еще не оправилась.

— Ну, — сказал мужчина, — поступайте как хотите, а я все равно пойду.

И действительно, когда позже мы заглянули в приемную, охранника там не было. Мы слышали, как он вернулся поздно вечером в состоянии сильного алкогольного опьянения. Я не могла спать, меня терзал страх, что мужчина войдет в нашу комнату, наконец его тяжелый храп сказал мне, что мы в безопасности.

Единственными нашими радостями были визиты сестры главного врача; она была нашей старой подругой и очень доброй женщиной. Но ей также приходилось быть осторожной и не приходиться слишком часто. Особую осторожность мы стали проявлять после получения информации от одной из наших сокамерниц: ее служанку освободили из ЧК и она пришла навестить хозяйку. В те несколько редких минут, когда охрана отсутствовала, она успела проскользнуть внутрь. Она рассказала нам, что одна из наших медсестер была агентом и шпионкой Чрезвычайной комиссии. Она ходила в ЧК несколько раз в неделю и докладывала о нас, жалуясь, что мы постоянно говорим по-английски и по-французски и она ничего не может понять из разговоров. Мы сразу догадались, о которой из медсестер идет речь, поскольку сразу заметили в одной из них что-то подлое.

Нам чудом удалось спастись в канун Нового года, что доказало нам, что ЧК о нас не забыла. Было 9 часов вечера, и мы раздевались на ночь. Все врачи ушли, и в приемной работала одна дежурная медсестра. Внезапно звук остановившегося перед нашей больницей автомобиля напугал нас, и мы посмотрели друг на друга с опасением; страх быть переведенными в Петербург, в ЧК, никогда не оставлял нас. В коридоре слышались тяжелые шаги и громкие голоса, затем наша дверь распахнулась, и в палату вошли два агента ЧК в сопровождении нашего охранника-красноармейца. В одном из них мы узнали человека, следившего за нами, когда мы были заперты в моей спальне во время обыска дома, другого мы никогда не видели, он был молод и казался немного более порядочным и менее зловещим, чем его спутник. Нас поразило его упорное молчание во время всего происходившего, и он произвел впечатление человека, неохотно участвовавшего в деле. Это легко объяснилось позднее, когда мы узнали, что он был лакеем великой княгини Марии Павловны и служил у нее в Царском Селе. Ему, естественно, не нравилось, что мы можем узнать его в его новом качестве. Все говорил другой агент, которого звали Марков: нам сообщили, что они приехали забрать меня и мою дочь в ЧК Царского, где давали большой ужин по случаю Нового года.

— Вы получите массу удовольствия, так как наверняка встретите кого-то из своих друзей, — цинично добавил он.

Я почувствовала, как на лбу выступил холодный пот. Что же я могла сказать или сделать, чтобы спасти нас? Мне совершенно ничего не приходило в голову, и тут самая старшая из нашей компании, женщина величайшей энергии и силы воли, несмотря на свои 80 лет, обратилась к молчавшему мужчине:

— Я уверена, — сказала она, — вы поймете, что обе мои компаньонки не могут сопровождать вас, когда узнаете, что они обе недавно серьезно переболели инфлюэнцей, и что по крайней мере требуется разрешение главного врача, чтобы они могли покинуть больницу. Не так ли?

Комендант, как его называл Марков, пробурчал что-то неразборчивое, что мы приняли за согласие. Но Марков гневно возразил, заявив, что мы должны немедленно последовать за ними. Я сохраняла молчание, думая, что будет мудрее предоставить дело нашей старшей защитнице. Комендант встал и, сказав, что сначала просмотрит

записи врача, вышел из комнаты. Мы сидели в полной тишине, ожидая своей участи. Они вернулись через несколько минут, и Марков торжественно объявил, что я могу остаться, но, поскольку о болезни моей дочери не было сделано никаких пометок, она должна пойти с ними.

— Тогда я тоже пойду, — твердо заявила я.

— В этом нет необходимости, — сказал Марков, — она не будет по вам скучать, она прекрасно проведет время с нами.

Но я не послушалась его и, обращаясь к коменданту, сказала, стараясь сохранять спокойствие:

— Что бы вы подумали обо мне как о матери, если бы я отпустила свою дочь одну в такой час и при таких обстоятельствах?

Мужчина молча взглянул на меня, затем резко повернулся к Маркову:

— Пошли сами, пусть обе остаются здесь.

И они вышли из комнаты, Марков открыто демонстрировал свое разочарование. Когда они ушли, я упала на подушки, совершенно обессиленная тем нервным напряжением, которое мы пережили.

После этого болезненного эпизода наша жизнь какое-то время была спокойной. Затем разразилась страшная эпидемия тифа, ежедневно уносившая бесчисленные жертвы. Каждое утро приходила медсестра и называла имена тех, кто покинул нас ночью, мы потеряли многих друзей. Больница была настолько переполнена, что койки заполнили все коридоры. Многие врачи и медсестры стали жертвами своего долга. Неудивительно, что эпидемия распространилась так широко: санитарные условия в больницах были невообразимыми: ни воды, ни белья вообще. Одни и те же простыни лежали на наших кроватях больше месяца, а когда нам дали чистые, мы побоялись их брать, так как они были полны вшей. Больные поступали в больницу покрытые ими, и так как ванны не работали, вскоре вся больница кишела этими насекомыми — переносчиками болезни, и число случаев сыпного тифа увеличивалось с ужасающей быстротой.

Никакое лечение не было возможно из-за полного отсутствия лекарств, и пациентам приходилось бороться самим со страшной болезнью. В то время в больнице не было электрического освещения и самые трудные операции выполнялись при свете свечи или лампы, когда получалось достать керосин. Нужно добавить, что температура в палатах колебалась между 5 и 7 градусами, так как топливо было тяжело достать и его не запасли на зиму. Поэтому, когда наша пожилая подруга и спутница стольких тяжелых месяцев заболела, мы знали, что ее конец близок. Мы с дочерью ухаживали за ней, пока ее не унесли умирать в другую палату, как было принято тогда в больнице. Это был очень печальный момент; она была в полном сознании и прекрасно знала, почему ее уносят. Она не хотела умирать и храбро сражалась, желая, по ее словам, стать свидетелем светлых дней, которые, как она была уверена, ждали ее любимую страну. Но, несмотря на ее мужество и энергию, она скончалась, и мы очень горько оплакивали ее утрату. Она была прекрасным человеком, и ее присутствие среди нас было очень ценно. Она подала замечательный пример того, как человек может сохранять все свое

благородство и гордость в самых тяжелых и унижительных обстоятельствах.

Я заболела через несколько дней после ее смерти, а через день или два моя дочь также слегла с этой ужасной болезнью. Когда мы вспоминаем нашу болезнь и условия, в которых мы находились, то не можем понять, как мы выжили. Эта болезнь ужасна, и люди редко выздоравливают от нее, даже когда за ними хорошо ухаживают, а мы были предоставлены сами себе, врачи и медсестры приходили к нам только из доброты и сочувствия, потому что они были совершенно бессильны облегчить наши страдания, врачи не могли прописать даже самые элементарные лекарства. Наше состояние стало еще более опасным из-за ослабленного состояния наших организмов из-за всего, что мы пережили.

Случай моей дочери был очень серьезным; она страдала от ужасных головных болей, и чтобы хоть как-то облегчить их, пришлось обрезать ее прекрасные волосы. Я не знала, что врачи потеряли всякую надежду на ее выздоровление и что они попросили ЧК разрешить ее отцу, который все еще был в заключении, навестить ее. Однажды, когда я лежала с закрытыми глазами, я услышала шум открываемой двери. Я открыла глаза и увидела, как в комнату вошел мой муж. С ним были двое вооруженных солдат. Он стоял и смотрел на нас с бесконечным страданием на лице, крупные слезы катились по его изможденным щекам. Ему разрешили остаться с нами на четверть часа. Солдаты с радостью ушли, и мы остались одни. Я никогда не забуду, что мы пережили в эти минуты после четырехмесячной разлуки. Сами охранники, несмотря на свою грубость, сжалились над нами и позволили нам побыть вместе дополнительные четверть часа. Потом они увели его, и бедный мой муж долгое время не знал, жива ли еще его дочь. Бог сжалился над нами, и с того дня она постепенно начала выздоравливать.

Болезнь длилась почти два месяца, и тут пришло известие о нашем освобождении. Однажды, когда мы были еще очень слабы, нам принесли официальную бумагу, и мы с радостью прочитали, что свободны. Вечером того же дня нам сообщили, что муж тоже освобожден. На следующий день он пришел к нам как свободный человек, но с подорванным здоровьем. Мы были вне себя от радости, что снова вместе, но наше положение было очень трагичным на самом деле. Нас арестовали, конфисковали все наше имущество и дом. Мы провели в заключении более четырех месяцев, и все это без предъявления нам каких-либо обвинений, и нас освободили без суда. Это казалось ужасным кошмаром, но пробуждение от него не принесло ни освобождения, ни покоя. Куда нам было идти? Где и как найти необходимые средства для нашего существования?

Наши друзья мало чем могли помочь нам, так как сами находились в очень тяжелых обстоятельствах, некоторые из них пережили то же, что и мы. Тем не менее именно благодаря им мы были одеты и нашли дом¹. Мы сняли жилье из трех комнат и прожили в них 6 месяцев. Жизнь была очень трудной, особенно потому, что мы

¹ Княгиня Голицына упоминает в своих мемуарах лесоторговца Белинского, который «тоже был очень хорошим человеком. Он много помогал Курис[с]ам во время их заключения и после, до самого их побега» [5, с. 190].

были крайне слабы после нашей тяжелой болезни и заключения. Помимо всей работы, которую нам приходилось делать дома, готовить и стирать, надо было рубить дрова и иногда привозить их издалека. Было очень трудно раздобыть продовольствие, мы ходили пешком несколько миль в соседние деревни за картофелем и молоком, крестьяне не хотели продавать свою продукцию, они хотели менять ее на соль или одежду. Нам нечего было им предложить, поэтому очень часто мы возвращались с пустыми руками. Я полагаю, что если бы мы не сбежали до зимы, то, вероятно, погибли бы от нищеты и голода.

Нам почти нечего было носить, у нас буквально не было ничего, кроме того, что было на нас в момент ареста. Муж отправился в ЧК через несколько дней после нашего освобождения, надеясь получить часть нашей одежды, белья и кухонных принадлежностей. Они заставили нас ждать своего решения больше месяца, а затем выдали на всех только два комплекта белья, поскольку, по их словам, именно столько должен иметь гражданин Республики Советов. Что касается любых других предметов одежды или предметов домашнего обихода, они отказались даже говорить об этом, добавив, что мой муж должен быть благодарен за то, что его не расстреляли. После такого приема он считал более безопасным воздержаться от посещения ЧК.

Помимо борьбы за существование, мы жили в постоянном страхе снова быть арестованными. Так много наших друзей ежедневно попадали в тюрьму, многие из них не в первый раз. Любой предлог считался достаточным, чтобы схватить их и бросить в тюрьму. Летом наши бедные комнаты постоянно обыскивали, хотя у нас не было ничего принадлежащего нам, кроме одежды, которую мы носили. Громкие удары в нашу входную дверь будили нас ночью, возвещая о страшном визите солдат и матросов. Нам приходилось впускать их и ходить с ними по всем комнатам, всегда дрожа от страха, что они уведут мужа. Он служил в то время простым рабочим на железной дороге, но это, конечно, не мешало им всегда подозревать его в контрреволюции.

Мы жили в таком ужасном положении до октября 1919 года, когда нас спасло наступление войск генерала Юденича на Петербург. Мы следили за событиями с сильным беспокойством, молясь, чтобы нас не взяли в заложники, как случилось со многими нашими друзьями. Все ближе и ближе раздавались выстрелы орудий белых войск, большевики из ЧК и комиссары уже бежали из Царского. Маленький городок, казалось, затаил дыхание, готовясь к великому событию. Стороны отчаянно сражались, большевики бросили в бой свои лучшие и самые надежные силы.

Город постоянно и очень сильно обстреливался из двух бронепоездов, которые большевики разместили на линии между Петербургом и Царским. Многие дома были подожжены снарядами, и много раненых и убитых лежало на улицах. Тем не менее белые имели временный успех, и их войска вошли и заняли Царское. Мы поняли, что сейчас для нас настал момент бежать; поэтому муж решил немедленно пойти к коменданту и попросить какой-нибудь транспорт. В то время обстрел был настолько сильным, что мы все спрятались в подвале нашего дома, где к нам присоединились многие жители

нашей улицы. Было доставлено несколько раненых, и мы оказывали им помощь, как могли.

Мне очень не хотелось отпускать мужа под таким обстрелом, но выбора не было. Он долго отсутствовал; наконец, мы увидели, как он вошел во двор с добытой им телегой. Мы собрали наши немногочисленные пожитки и отправились в соседний город Гатчину, где размещался штаб главнокомандующего белыми войсками. Излишне говорить, как душераздирающе было покидать место, где мы были счастливы много лет. Отойдя на небольшое расстояние от Царского, мы оглянулись: город был в огне. Вокруг нас были следы недавнего боя, мертвые солдаты и лошади лежали на полях. Проезжая через первую деревню, мы увидели на обочине тела двух мужчин, в которых узнали агентов ЧК — их расстреляли белые.

Мы добрались до Гатчины поздно ночью. Муж и дочь прошли весь путь пешком, чтобы дать мне возможность полежать в телеге из-за моей слабости. Здесь в штабе и среди командных офицеров мы встретили много старых друзей. Они хорошо заботились о нас. А затем белая армия была вынуждена отступить и покинуть Гатчину, мы ушли с ними.

Сначала мы добрались до Нарвы, затем наступление красных вынудило нас перебраться в Ревель. Оттуда мы переехали в Европу, и только здесь мы, наконец, получили известие о нашем сыне. Мы ничего не слышали о нем с тех пор, как расстались при таких трагических обстоятельствах. Бог в своей вечной милости спас его от всех опасностей и сохранил в сражениях с красными, в которых он принимал участие. Мы были рады услышать, что он находится в Константинополе и служит в Американском Красном Кресте, благодаря знанию английского языка.

Только оказавшись в Европе, среди цивилизации и вдали от красного террора, мы постепенно стали жить нормальной жизнью. Хотя для нас, беженцев, она была полна трудностей и лишений, все это казалось легким по сравнению с пережитым. Мы встретили много доброты как от друзей, так и от совершенно незнакомых людей.

<...>

Подписано: мадам Курис, мать Любы

Список источников

1. Формулярный список о службе члена Государственного совета, состоящего по Генеральному штабу генерала от инфантерии Петрова // Из глубины времен. 1995. Вып. 4. С. 165—176.
2. Красюков Р. Г. Дворянский род Курисов (историческая справка) // Генеалогические миниатюры. СПб., 2010. С. 9—25.
3. Tschebotarioff G. P. Russia, My Native Land. N. Y. ; London ; Toronto, 1964. 384 p.
4. Кузнецов С. О. Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка, 2012. 557 с.
5. Голицына А. Н. Когда с вами Бог: воспоминания / авт. предисл., сост. примеч., имен. указ. и прил. А. К. Голицын. М., 2017. 480 с.
6. Бровкина Т. Ю. Царскосельское окружение Боткиных. Тевяшovy — Ушаковы // Исторические Боткинские чтения. Вып. IV. СПб. : СПбГМИСР, 2021. С. 192—203.

7. Боткина Т. Воспоминания о царской семье // Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина / [под ред. К. К. Мельник-Боткина и Е. К. Мельник ; сост. и авт. вступ. ст. О. Т. Ковалевская]. СПб. : Царское дело, 2010. 532 с.
8. Бойков В. А. Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918—1920 гг.). Таллин, 2009. 375 с.
9. Михальченко В. А., Сивирин О. Г. Да будет правда: история дворянского рода Курисов — возрождение из забвения. Одесса, 2005. 328 с.
10. University of Illinois at Urbana-Champaign Archives. Record Series 15/35/54. Box 79. Letter of Paul B. Anderson to Mr. Lyons from July 17, 1982.
11. Быкова А. Николай Курис и школа русского языка для шпионов и дипломатов // МузееМания. 2020. 20 янв. URL: <https://muzeemania.ru/2020/01/20/nikolaj-kuris/> (дата обращения: 10.10.2024).
12. Быкова А. Священник Николай Курис (1895—1977) во главе русской общины Ирландии XX в. // РИПЦЗ. Обзор. Вопросы истории Русской Зарубежной Церкви. 2022. 11 марта. URL: <https://www.rocorstudies.org/ru/2022/04/25/священник-николай-курис-1895-1977-во-главе-р/> (дата обращения: 10.09.2024).
13. University of Illinois at Urbana-Champaign Archives. Record Series 15/35/54. Box 79. Memories of Mrs Couriss «Days of Terror in Tsarskoe Selo».
14. Bykova A. Days of Terror in Tsarskoe Selo by Elizabeth Couriss: Extracts from a Memoir // RUSSICA ROMANA. Rivista internazionale di studi russistici. 2023. Vol. XXX. P. 203—212.

References

1. Formul'nyy spisek o sluzhbe chlena Gosudarstvennogo soveta, sostoyashhego po General'nomu shtabu generala ot infanterii Petrova [Service record of the Member of the State Council, Serving on the General Staff, Infantry General Petrov], *Iz glubiny` vremeni [From the depths of time]*, 1995, issue 4, pp. 165-176.
2. Krasnyukov R.G. Dvoryanskij rod Kurisov (istoricheskaya spravka) [The Noble family of Kuris (Historical Background)], *Genealogicheskie miniatyury` [Genealogical Miniatures]*. St. Petersburg, 2010, pp. 9-25.
3. Tschebotarioff G.P. Russia, My Native Land. New York, London, Toronto, 1964, 384 p.
4. Kuznecov S.O. Strogonovy`. 500 let roda. Vy`she tol`ko czari [Stroganovs. 500 years of the Family. Only the Tsars are Higher]. Moscow, Centrpoligraf, St. Petersburg, Russkaya trojka, 2012, 557 p.
5. Golitsyna A.N. Kogda s vami Bog: vospominaniya [When God is with You: Memories]. Moscow, 2017, 480 p.
6. Brovkina T.Yu. Czarskosel'skoe okruzhenie Botkin'y`x. Tevyashovy` - Ushakovy` [The Botkins' Tsarskoye Selo Entourage. The Tevyashovs - Ushakovs], *Istoricheskie Botkinskie chteniya [Historical Botkin Readings]*, issue IV. St. Petersburg, SPbGMISR, 2021, pp. 192-203.
7. Botkina T. Vospominaniya o czarskoj sem'e [Memories of the Royal Family], *Czarskij lejbm-dik: zhizn` i podvig Evgeniya Botkina [The Tsar's Personal Physician: the Life and Feat of Evgeny Botkin]*. St. Petersburg, Czarskoe delo, 2010, 532 p.
8. Bojkov V.A. Kratkij biograficheskij slovar` oficerov, chinovnikov i sluzhashhix belo Severo-Zapadnoj armii (1918-1920 gg.) [Brief Biographical Dictionary of Officers, Officials and Employees of the White North-Western Army (1918-1920)]. Tallin, 2009, 375 p.
9. Mixal`chenko V.A., Sivirin O.G. Da budet pravda: istoriya dvoryanskogo roda Kurisov - vrozozhdenie iz zabveniya [Let the Truth Be: The History of the Noble Family of Kuris - Rebirth from Oblivion]. Odessa, 2005, 328 p.
10. University of Illinois at Urbana-Champaign Archives, record series 15/35/54, box 79. Letter of Paul B. Anderson to Mr. Lyons from July 17, 1982.
11. By`kova A. Nikolaj Kuris i shkola russkogo yazy`ka dlya shpionov i diplomatov [Nikolay Kuris and the Russian Language School for Spies and Diplomats], *MuzeeManiya [Muzeemania]*, 2020, 20 January. Available at: <https://muzeemania.ru/2020/01/20/nikolaj-kuris/> (accessed: 10.10.2024).

12. By'kova A. Svyashhennik Nikolaj Kuris (1895-1977) vo glave russkoj obshhiny` Irlandii XX v. [Priest Nikolai Kuris (1895-1977) at the Head of the Russian Community in Ireland in the 20th century], *RPCzZ. Obzor. Voprosy` istorii Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi [ROCOR. Review. Questions of the history of the Russian Church Abroad]*, 2022, 11 March. Available at: <https://www.rocorstudies.org/ru/2022/04/25/svyashhennik-nikolaj-kuris-1895-1977-vo-glave-r/> (accessed: 10.09.2024).
13. *University of Illinois at Urbana-Champaign Archives*, record series 15/35/54, box 79. Memories of Mrs Couriss "Days of Terror in Tsarskoe Selo".
14. Bykova A. Days of Terror in Tsarskoe Selo by Elizabeth Couriss: Extracts from a Memoir, *RUSSICA ROMANA. Rivista internazionale di studi russistici*, 2023, vol. XXX, pp. 203-212.

Информация об авторе

Быкова Анна Сергеевна — кандидат политических наук, независимый исследователь, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Грейстоунз, Ирландия. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Information about the author

Anna S. Bykova — Candidate of Political Sciences, independent researcher, member of the Greystones Archaeological and Historical Society, Greystones, Ireland. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 15.01.2025.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 15.01.2025.